

Ещё утром они шли по этой дороге вдвоём, но теперь Ши Цзянь остался в полном одиночестве.

Сидя на скамье у самой воды, Ши Цзянь медленно рассыпал хлебные крошки, с интересом наблюдая за птицами, которые сгрудились в одну шумную кучу. На душе было на удивление спокойно.

Здесь было хорошо: здесь никто не знал Ши Цзяня. Возможно, в мире всё ещё оставались такие укромные уголки, до которых не успели добраться новости, или же здешний размеренный ритм жизни просто не позволял суете, сопутствующей славе и богатству, всколыхнуть воды древней реки.

Ши Цзянь кормил голубей во многих уголках земного шара; в большинстве маленьких европейских городков всегда можно встретить эти суетливые птицы. Стоило лишь бросить горсть хлебных крошек, как они, словно по нажатию невидимой кнопки, начинали неистово хлопать крыльями и жадно клевать корм.

Парижские голуби ничем не отличались от птиц в Генте. Им было совершенно всё равно, зовут ли того, кто их кормит, Ши Цзянем, Пэном Шу или, быть может, Тун Хуа.

Для Ши Цзяня такие мгновения были самыми ценными.

Однако кормление птиц не могло длиться вечно. Рано или поздно они наедались или просто теряли интерес. Когда стайка, попрыгав, наконец улетала, человек, для которого крошение хлеба на время стало серьёзным и важным делом, замирал на несколько секунд, а затем отправлялся на поиски нового занятия.

Прогулка.

Это тоже было занятие весьма приятное, доступное лишь там, где вокруг почти нет людей.

Ши Цзянь искренне любил гулять. Большую часть времени в пути он просто шёл, наслаждаясь моментом, но иногда случались неожиданные встречи, которые возможны лишь раз в жизни: друзья, яростно ссорящиеся на английском; супруги, нежно признающиеся в любви на французском; или вдруг звучала родная речь, за которой невольно хотелось прислушаться...

Они ведь договорились, что на обед будет тушёная говядина – Чу Юнь её очень любит.

Эта мысль сбила Ши Цзяня с намеченного ритма, и он стал бродить по улицам совершенно без всякой цели.

Так продолжалось до тех пор, пока он, уворачиваясь от велосипеда, на котором неуверенно ехал какой-то человек, не врезался в дверь, заставив звякнуть медный колокольчик.

Хозяин лавки, седовласый старик, что-то произнёс на нидерландском. Ши Цзянь не понимал языка, но, судя по мягкой интонации, это было проявление искренней заботы.

Ши Цзянь мог лишь ответить по-английски, вежливо попросив прощения.

Старик мягко улыбнулся и похлопал его по плечу, успокаивая.

Ши Цзянь обернулся и увидел стеллажи внутри – это оказался антикварный магазин.

Он улыбнулся хозяину в ответ и переступил порог. Лавка была крошечной, очень ухоженной, и одного беглого взгляда хватило, чтобы охватить всё помещение.

Он рассеянно скользил взглядом по полкам.

Желание выбрать подарок для Чу Юня было странным, почти иррациональным порывом. Он редко покупал ему что-либо, особенно в последние два года – теперь это стало практически невозможным.

Не то чтобы ему не хотелось, просто было страшно.

Вкусы Чу Юня, как и его настроение, всегда были непредсказуемы. Ши Цзянь не мог до конца его понять, к тому же у этого молодого господина и так было всё самое роскошное и ценное в мире. Что бы он ни подарил, в глазах Чу Юня эта вещь, скорее всего, выглядела бы дешёвкой.

Для Чу Юня ценность имело лишь то, что он выбирал сам.

Старик тихо сел на своё место, не мешая посетителю и не предлагая помощь.

Ши Цзянь понимал: что бы он ни выбрал, Чу Юнь может с лёгкостью втоптать это в пыль.

Но, возможно, с того самого дня, как он ступил на землю Гента, всё вокруг казалось настолько прекрасным, что сердце Ши Цзяня потеряло бдительность перед лицом любой опасности, и ему просто отчаянно хотелось сделать для него что-то хорошее.

Его пальцы коснулись изящных запонок.

Медный корпус, инкрустированный бирюзой, с лёгкими, благородными следами времени на поверхности.

- Месье, эти запонки... - хозяин, говоря на ломаном английском с заметным акцентом, поправил очки и посмотрел на украшение, которое разглядывал Ши Цзянь. - Им около сотни лет, это семейная реликвия одного обедневшего дворянина.

Он медленно подошёл и, осторожно достав запонки, положил их на бархатную подушечку:

- Говорят, наследник герцога подарил их молодому художнику...

Ши Цзянь выслушал историю - возможно, правдивую, а может, и выдуманную специально для продажи вещицы, - о трагической любви.

Она не тронула Ши Цзяня, но он всё же решил купить их.

- Благословения вам и вашему возлюбленному, - просиял старик.

В ответ Ши Цзянь лишь мягко улыбнулся. Положив коробочку в карман пальто, он вышел из

лавки.

Он не ждал, что Чу Юню они понравятся.

Но он невольно улыбнулся самому слову «возлюбленный».

Поглаживая бархатную коробочку, Ши Цзянь чувствовал, как от одного прикосновения кончиков пальцев сердце приятно щемит. Он расплылся в улыбке, и недавняя подавленность исчезла без следа.

Всё было хорошо, пока он не подошёл к дверям своего временного жилища.

Чу Юнь стоял у панорамного окна, крепко сжимая в руке телефон. Свет экрана падал на его лицо, которое казалось словно покрытым тонким слоем льда.

В воздухе висело ощутимое, почти физическое напряжение. Рядом стоял бледный как полотно Ли Чжися; он низко опустил голову, словно провинившийся ребёнок.

Ши Цзянь почувствовал неладное и остановился.

Его взгляд невольно упал на обеденный стол, где всё ещё стояли подсвечники и цветы, – он вспомнил, как утром они там завтракали.

– Весело было? – Чу Юнь не обернулся, глядя на своё отражение в стекле.

Ши Цзянь убрал руку с бархатной коробочки, медленно вынул её из кармана и не нашёл, что ответить.

Краем глаза он заметил Ли Чжися: тот выглядел так, будто был готов провалиться сквозь землю, а лицо его выражало крайнюю степень тревоги. Было совершенно непонятно, с какой именно бедой они столкнулись.

- Весь мир сбивается с ног из-за тебя, а у тебя нашлось время кормить птиц.

Сердце Ши Цзяня ёкнуло. Он достал телефон и увидел множество пропущенных вызовов.

Он хотел объясниться, но, открыв рот, не знал, что сказать.

Сказать, что он такой - что часто забывает о существовании телефона, когда слишком глубоко погружается в свои мысли?

- Прости, - произнёс он.

В ответ раздался холодный, язвительный смешок.

- За что извиняешься? Ты ведь теперь купаешься в славе и богатстве. Все знают, кто такой Ши Цзянь, весь мир следит за каждым твоим шагом. Разве ты не должен быть счастлив?

Эти слова, словно тяжёлое колесо, снова проехали по нему.

Ши Цзянь хотел ответить лишь: «Я не...»

- Не что? Не что?! - Чу Юнь внезапно повысил голос. - Стоило получить награду, как ты тут же бросился наслаждаться славой? И правда возомнил себя единственным воплощением достоинства и надежды?

Ши Цзяню нечего было ответить.

- Господин... - Ли Чжися набрался смелости вмешаться. - Не получается дозвониться, - прошептал он.

Ши Цзянь не понимал, о чём именно идёт речь, но в этот момент раздался резкий звон: фарфоровая чашка, из которой утром пили кофе, разбилась вдребезги.

Чу Юнь на мгновение замолчал, и его лицо стало ещё мрачнее.

Он усмехнулся:

- Хорошо, очень хорошо.

- Чжися, - его голос стал пугающе мягким, - проводи нашего дорогого киноактёра обратно в его мир славы и богатства.

Рука коснулась коробочки в кармане, и Ши Цзяню стало невыносимо тяжело в груди, внутри всё словно онемело.

Он окончательно замолчал.

В комнате воцарилась такая тишина, что было слышно лишь сбивчивое, тяжёлое дыхание.

А за окном Гент по-прежнему хранил свой безмятежный покой.

Голуби всё так же суетливо прыгали по площади, церковные колокола звонили в привычном ритме, как и всегда, - этот мир казался бесконечно далёким от той бури, в которой внезапно оказались они.

На обратном пути Ши Цзянь, благодаря Ли Чжися, увидел, что фотографии, на которых он кормит птиц, стремительно взлетели в топ трендов. Он даже не подозревал, что кто-то снимал его со стороны, и всё это время тешил себя наивной иллюзией, будто здесь он остаётся неузнанным.

Оказалось, что даже эта маленькая надежда была лишь фантазией.

На первом месте в рейтингах висело его имя, а заголовок буквально резал глаза:

□Ши Цзянь, «Безымянная птица»: экстремальный метод погружения под вопросом. Сошёл с ума персонаж или сам актёр?□

[Честно говоря, во время съёмок состояние Ши Цзяня было каким-то странным. В нескольких кадрах со съёмочной площадки у него совершенно бегающий, затравленный взгляд. Может, он и вправду сошёл с ума?]

[Я давно подозревал, что с ним что-то не так, слишком уж экстремально он подошёл к делу. Слышал, на площадке чуть скорую помощь не вызывали, это же просто жуть какая-то!]

[В кино важна только итоговая актёрская игра, не лезьте не в своё дело. Опять эта бесконечная травля в сети...]

Он невольно погладил запонки; холодный металл в ладони отозвался лёгким, почти неощутимым покалыванием.

Внезапно телефон выхватили из его рук. Ши Цзянь моргнул, растерянно глядя на свою пустую ладонь.

- Что это? Любуешься своими триумфами?

Ши Цзянь слышал голос Чу Юня, но всё вокруг казалось каким-то туманным и нереальным, словно он медленно дрейфовал в открытом море.

- Господин, вы в порядке? - кажется, это был Ли Чжися.

Он машинально, почти неосознанно ответил:

- Всё в порядке...

- В порядке? Ты, похоже, в полном восторге от того, что все вокруг обсуждают тебя.

Ши Цзянь был настолько измотан, что у него просто не осталось сил спорить с молодым

господином. Он отвернулся к иллюминатору самолёта, глядя на плывущие внизу облака, и ему до боли, до щемящего чувства в груди захотелось расправить крылья и улететь вместе с ними.

Общественное мнение вышло из-под контроля гораздо быстрее, чем ожидалось.

Различные развлекательные СМИ и маркетинговые аккаунты развернули массированную атаку на «неадекватность» и «психические проблемы» Ши Цзяня. В сети начали плодиться слухи, в которых было совершенно невозможно отличить правду от наглой лжи, и все социальные платформы мгновенно захлебнулись в потоке негатива.

[Инсайдеры сообщают о многочисленных нервных срывах Ши Цзяня на съёмках; подозревается серьёзное психическое заболевание]

[Правда о так называемом «артисте»: сколько ещё Ши Цзянь скрывал от своих зрителей?]

[Метод погружения или чистое безумие? Цена, которую Ши Цзянь заплатил за звание лучшего актёра...]

В центре мониторинга Редженс Медиа не гас свет; каждые пять минут кто-то докладывал о новых негативных тенденциях.

- Господин!

В самолёте Ли Чжися приглушённым, но полным явной тревоги голосом разбудил Чу Юня.

Чу Юнь медленно повернул голову, посмотрел на спящего Ши Цзяня, а затем бросил взгляд на Ли Чжися, который, сжимая телефон, находился в процессе важного разговора. Собравшись с духом, он быстро сбросил с себя плед и встал, чтобы ответить.

На другом конце провода раздался чёткий, холодный и властный женский голос:

- Хорошо ли в Генте, господин?

Глаза Чу Юня покраснели, он так сильно сжал телефон, что его руку начало трясти от сдерживаемой ярости. Лишь спустя долгое время он тяжело выдохнул и, подавляя гнев, тихо произнёс:

- Чего ты хочешь?

- Милый, я просто хотела, чтобы ты знал: в этом жестоком мире телефонные звонки, которые ты не желаешь принимать, не включают мои, - голос Чу Хуан звучал пугающе спокойно.

Слова эти звучали как открытая насмешка, но в них не было ни капли истинного веселья.

- Теперь, когда ты на собственном опыте узнал, каково это - когда до тебя не могут дозвониться, у меня есть полное право сказать тебе, как всё это закончить?

Чу Юнь стиснул зубы и снова, с нажимом, спросил:

- Чего ты хочешь?

- Я же говорила тебе с самого начала: внимание к Ши Цзяню сейчас беспрецедентно, это совсем не то время, когда ты можешь просто спрятать его от всех.

Чу Юнь усмехнулся, но слова «кто в этом виноват» застряли у него в горле.

- Ты хоть представляешь, сколько всего сделала Редженс Медиа с того самого дня, как Ши Цзянь получил награду? Ты посмел пустить под откос весь мой план! - Чу Хуан впервые повысила голос. - Малыш Юнь, я в ярости.

Чу Юнь хотел что-то возразить, но самолёт внезапно трянуло. Он невольно оглянулся, глубоко вздохнул и максимально понизил голос:

- ...Прости меня, сестра.

- Я рада, что ты наконец научился вежливости, - отрезала Чу Хуан. - С этой минуты слушай меня внимательно и не смей упрямиться.

Когда Чу Юнь положил трубку, его костяшки побелели, а внутри поднялась тяжёлая волна бессилия, смешанного с чувством унижения. Он яростно потёр переносицу и холодно приказал:

- Свяжись с PR-отделом галереи «Наследие», пусть Рэйчел немедленно согласует все дальнейшие действия с Редженс Медиа. Сначала нужно выработать единую позицию.

Ли Чжися поспешно кивнул:

- Понял.

Вскоре самолёт приземлился на частном аэродроме.

Дверь люка медленно открылась. Чу Юнь вышел первым, его лицо было холодным и непроницаемым; Ши Цзянь последовал за ним, храня полное молчание. У трапа в ровный ряд выстроились чёрные «Роллс-Ройсы», охрана была приведена в полную готовность.

- Господин, - к ним подошёл человек и, почтительно поклонившись, открыл дверь машины.

Кортеж бесшумно тронулся с места. В салоне воцарилась тяжёлая, гнетущая атмосфера.

Спустя несколько минут после выезда с территории аэропорта в наушниках охраны раздался сигнал тревоги:

- Внимание, автомобиль, следующий за нами, движется по аномальной траектории. Возможно, слежка.

Капитан охраны немедленно ответил:

- Немедленно подтвердите личность.

- Машина обычная, намеренно держит дистанцию. Вероятно, папарацци.

Ситуация докладывалась по пунктам, и давление в салоне автомобиля становилось всё сильнее, пока Чу Юнь не приказал ледяным тоном:

- Сбросьте хвост.

- Есть, смена маршрута на запасной.

Водитель отреагировал мгновенно. Кортёж слаженно перестроился, оставив позади две машины, которые резко затормозили, перегородив дорогу преследователям.

Чу Юнь посмотрел в зеркало заднего вида.

- Прости, - снова тихо произнёс Ши Цзянь.

- Всё в порядке, - отозвался Чу Юнь, не отрывая пристального взгляда от окна, которое затуманилось от его дыхания.

Затем он обернулся к Ши Цзяню:

- Ждётся, что я скажу именно это?

<http://bllate.org/book/17941/1720611>